

ВИДЫ ИСКУССТВА (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ИСКУССТВА)/TYPES OF ART (INDICATING SPECIFIC ART)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.15>

ВЕРБАЛЬНЫЙ МАРКЕР И ЕГО РИТМИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ В КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНЕ ТАТАР

Научная статья

Юнусова Г.Ф.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0006-3164-4919;

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российской Федерации

* Корреспондирующий автор (gyzel.yunusova[at]gmail.com)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению некоторых вербальных и музыкальных компонентов колыбельной песни татар. Образцы этого жанра малоизучены, т.к. недостаточно опубликовано и собрано материала. Целью работы является выделение и анализ типовых лексем поэтического текста колыбельных, выявление их значимости в формировании ритмической структуры музыкального текста. Эти лексемы проанализированы в качестве вербальных маркеров, определяющих специфику жанра. Лексемы рассматриваются в контексте народного и профессионального творчества. Внимание обращено на этимологию, содержание выделенных маркеров. Исследование базируется на транскрипциях музыкально-поэтического материала колыбельных песен татар различных регионов России. В статье обоснована причина обращения к такому материалу в связи с вербальным текстом. Образцы этого жанра записаны автором статьи в этнографических экспедициях, обнаружены в архивах.

Ключевые слова: вербальный маркер, лексема, колыбельная песня, музыкальный фольклор татар, слоговой ритм.

VERBAL MARKER AND ITS RHYTHMIC DESIGN IN A TATAR LULLABY SONG

Research article

Yunusova G.F.*

¹ ORCID : 0009-0006-3164-4919;

¹ Institute of Language, Literature and Art. G. Ibragimova of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

* Corresponding author (gyzel.yunusova[at]gmail.com)

Abstract

The article is dedicated to the review of some verbal and musical components of the Tatar lullaby song. The samples of this genre are understudied, as not enough material has been published and collected. The aim of the work is to identify and analyse typical lexemes of the poetic text of lullabies, to identify their significance in the formation of the rhythmic structure of the musical text. These lexemes are analysed as verbal markers defining the specificity of the genre. The lexemes are analysed in the context of folk and professional creativity. Attention is paid to the etymology, content of the selected markers. The research is based on transcriptions of musical and poetic material of Tatar lullabies from different regions of Russia. The paper substantiates the reason for turning to such material in connection with the verbal text. Samples of this genre were recorded by the author of the article in ethnographic expeditions and found in archives.

Keywords: verbal marker, lexeme, lullaby song, Tatar musical folklore, syllabic rhythm.

Введение

Колыбельная песня (тат.: бишек, бәллү [жыры]) представляет собой один из древнейших жанров фольклора у многих народов. Термин «бишек», означающий «колыбельная, люлька», имеет древнетюркское происхождение и упоминается в различных памятниках письменной культуры [3, С. 98]. Эти упоминания встречаются в источниках, связанных с христианством («Поклонение волхвов»), буддизмом (сутра «Золотой блеск») и язычеством (словарь Махмуда Кашгарского). Примеры колыбельных записаны среди татар, живущих в различных регионах России, и различных по этническому происхождению (казанские татары, мишари), религиозной принадлежности (мусульмане, христиане).

Необходимость убаюкивания ребенка, обеспечивающего его физическое развитие через полноценный сон, а также создания тишины для отдыха остальных членов семьи, существовала всегда. Именно ежедневное решение этих задач сделало колыбельную песню одним из первых жанров фольклора.

Несмотря на древнее происхождение колыбельной песни татар, особенности этого жанра до сих пор не изучены из-за малочисленности нотных изданий образцов. В поэтических сборниках детского фольклора печатали текст колыбельной песни только одного куплета. Возможно, под влиянием издателей позиция филологов (Н. Исанбета, Р. Ягафарова) в этом вопросе была следующей: не допускать повторов в публикациях, т.к. отдельные куплеты в разных колыбельных песнях часто оказывались одинаковыми или отличались небольшим варьированием. В архивных фондах этих филологов тексты образцов данного жанра зафиксированы без сокращений. Такое издание купированных материалов не дает достоверного представления о содержании конкретной колыбельной песни, особенностях ее поэтического текста, количества куплетов, географического ареала распространения. Поэтому,

несмотря на то, что в данной статье внимание уделено вербальным маркерам, их изучение во многом опирается на записи этномузикологов, в которых текст татарских колыбельных песен представлен полностью.

Методы и принципы исследования

Анализ музыкально-поэтического материала объекта изучения проводился на основе 140 народных колыбельных песен, зафиксированных автором статьи от представителей разных регионов Федеральных округов России: Приволжского, Сибирского, Уральского и Южного. Они записаны на аудионосителях и оформлены в нотной транскрипции в текстовом формате посредством редактора нотных партитур Sibelius. В ходе исследования были привлечены также материалы архивов и публикаций других собирателей (фольклористов). Задачи статьи включают в себя определение ключевых вербальных маркеров колыбельной песни, изучение их происхождения, морфологии, семантики и особенностей стихосложения. Внимание обращено на ритмические рисунки, связанные с такими маркерами. Выполнение указанных задач осуществлено на основе использования разных методов исследований, связанных в первую очередь с анализом. Среди них: контент-анализ, историко-лингвистический (изучение вербальной структуры, повторов и ключевых тем), музыкального (исследование ритмического оформления) статистического (отбор маркеров на основе частоты использования лексем), сравнительный (сопоставление колыбельных с образцами народного и профессионального творчества для выявления универсальных и специфичных черт).

Основные результаты

В вербальном тексте татарских колыбельных песен есть ряд явлений, упоминание которых сразу же вызывает с ней ассоциации. Три типа лексем в них, разных по своему составу, особенно выделяются по частоте использования. Именно они выступают маркерами этого жанра, то есть являются его идентификаторами. Вербальные маркеры «указывают» на определенный жанр народного творчества. В данном случае – на колыбельную песню. В количественном отношении в порядке убывания ее маркеры следуют в такой последовательности:

- 1) междометия («әлли-бәлли», «бәү», являющиеся вербальными примерами убаюкивания «баюшки-баю»);
- 2) глаголы («йокла, балам, йом күзен» – обращение к ребенку с уговором, увещеванием «спи, дитя, закрой глаза»);
- 3) нарицательное или собственное имя существительного («Аллаһү» – упоминание имени Аллаха). Два первых из указанных маркеров по семантике связаны с процессом засыпания (погружения в сон) и/или движением (качание колыбели). В большинстве случаев эти вербальные маркеры находятся в самом начале колыбельных песен. Встречается также и последующее неоднократное воспроизведение их в других куплетах.

По степени распространенности в татарской колыбельной песне преобладают вербальные маркеры, состоящие из междометий. Они сыграли большую роль в истории возникновения данного жанра в разных странах мира. По мнению фольклористов-филологов, самые ранние колыбельные состояли только из междометий, отдельных побуждающих слов [5, С. 30], из которых позднее сформировались полноценные образцы песен этого жанра. В записях татарских колыбельных песен и сегодня можно обнаружить реликты, основанные только на междометиях, или в них использован такой особый, редко встречающийся вид, как губной вибрант. Информант при его извлечении теребит губы пальцем.

Чаще всего из междометий в татарских колыбельных песнях используются «әлли» и «бәлли». Эти междометия могут находиться порознь или подряд, оформленные через дефис или запятую, запятую, образуя таким образом сложное междометие. Их сочетание не имеет точного буквального перевода и рассматривается как асемантическое. Это – лексемы убаюкивания («баюшки-баю»). В то же время отметим, что «бәлли» представлено в татарском языке и в виде существительного в значении «колыбель». Предполагаем, что междометие «әлли» является производным от него (исходя из сходства в плане фонетики и графического оформления на письме). Оно появилось благодаря элизии – выпадения начальной буквы «б» в междометии «бәлли». Эти междометия часто сопровождают глагол «итәргә» («делать»). Лексемы «әлли итәргә» и «бәлли итәргә» или объединение их в «әлли-бәлли итәргә» уже более определенные в семантическом плане. Одно из их значений – это погружение в сон. Такое его толкование («засыпать, делать баюшки») приводится в толковых словарях [7, С. 207]. Полагаем, что другой смысл лексем «әлли итү, бәлли итү» – раскачиваться в колыбели верх и вниз. Тем более, что в некоторых колыбельных песнях к данным междометиям присоединяют слово «бишек» («колыбель») – «әлли-бәлли бишеге». В результате самый близкий по смыслу перевод получается: «качается колыбель». Подтверждение выдвинутой гипотезе можно найти в эпизодах из художественной литературы, ситуациях, возникших в этнографических экспедициях. Они показывают, что строка «әлли итәр бу», а затем и сама колыбельная песня (иногда даже целиком) «всплывает» в памяти персонажей произведений (пьеса «Тигезсезләр» = «Неравные» Ф. Амирхана) или информантов именно в моменты качания какого-либо предмета (кресла, куклы). Моторика движения таким способом запускает процесс извлечения из памяти образца данного жанра с последующей его демонстрацией.

Междометия «әлли» и «бәлли» могут быть разного вида, структуры и объема. Реже всего среди них встречается лексема убаюкивания с укороченным вариантом междометия, состоящим только из начального его звука и глагола: «ә-ә-ә итә». В таком ее виде совмещены несколько типов междометий: призывающих к действию (в данном случае – к засыпанию) и эмоциональные – те, что представляют собой реакцию организма (жалобные стенания), вызванного усталостью, потребностью во сне. Увеличение объема междометий, которое влечет за собой модификацию других качеств, происходит в результате повтора отдельных слогов или их распева, а также огласовки согласных. Некоторые разновидности маркеров указывают на их принадлежность к определенной субэтнической или конфессиональной группе татар (мишаре, кряшены). Среди таких вариантов этих междометий особое распространение получил вид, к которому добавлена частица (окончание) «ки»: «әллүки-бәллүки». Такая лексема нередко встречается в песнях шутливого характера как в самой колыбельной, так и в образцах других жанров татарского фольклора. В большинстве случаев можно выявить причину создания такого эмоционального оттенка и включения в другие песни. К примеру, колыбельная «Убаюкивая ребенка» («Бала йоклату»), записанная в Пермской области в деревне Малый Башап от К.

Шакирова, по характеру тесно связана с предшествующими ей подвижными по темпу песнями из его репертуара. В основе показанной им колыбельной лежит мелодия каданса одной из них – шутливой песенки о девушкиах [10]. В упомянутой выше пьесе «Неравные» («Тигезезлэр») Ф. Амирхана междометия такой структуры включены в строки шутливой колыбельной песни: «Эллеки-бэллеки, элли-элли итэр бу» [1, С. 342]. В песнях других жанров фольклора татар лексема «эллүки-бэллүки» обладает порой и серьезной семантикой, приобретая временами символическое значение. Здесь имеется в виду, например, песня «Эллүки» на слова поэта Г. Тукая (стихотворение «Милли моңнар» = «Национальные мелодии») [9, С. 59], широко известная в татарском социуме. Как уже было отмечено это междометие считают асемантическим, поэтому название данной песни не переводят, оно дублирует оригинал – «Аллюки». Однако внутри песни, в содержании куплетов, оно фигурирует в значении «материнский напев», т.е. как напев родной земли, который человек услышал от своего земляка на чужбине. Здесь явно прослеживается отсылка к жанру колыбельной песни. Доказательство этому нашлось в одном из вариантов фиксации названия песни на кириллице. Вплоть до 1927 года письменность татар основывалась на арабской графике, тексты которой сегодня по-разному прочитывают даже специалисты. Примером этого является и трактовка названия рассматриваемой песни. Самое распространённое ее заглавие – «Эллүки». Сравнение с обозначениями песни в других нотных изданиях, например, в указателе мелодий из самоучителя игры на мандолине 1917 года [4], выявило, что запись индекса песни дана иная – «Эллу кей». Здесь «эллу» является вариантом междометия «элли, алу», а один из переводов слова «кей» – «напев». Таким образом, в данном случае название песни можно перевести как «колыбельная мелодия», хотя по жанру – это образец протяжной песни.

Маркер «спи, засыпай» и «спать» в татарском языке передаются через глаголы «йокла», «йокыга киту» и «бәү итү». Их отличает мягкий характер обращения к ребенку: это уговоры, увещевания. Между тем именно эти маркеры указывают на вопрос о происхождении песен убаюкивания от заговоров и заклинаний, нередко поднимаемый исследователями колыбельных песен разных народов. От магического воздействия здесь – многократный повтор этих глаголов в тексте колыбельной

Первая опубликованная запись нот татарской колыбельной с маркером «Аллаху» относится к началу XX века. Ее записал и издал генерал В. Мошков [6, С. 37]. Она нашла отражение в художественной литературе. Такого же типа колыбельную поет героиня пьесы «Зулейха» писателя Г. Исхаки (написана в 1912 году). Обращение к мусульманскому богу – Аллаху – в морфологическом плане относится к существительному. Вместо слова «Аллаху» может встретиться также «валлаху», перевод которого – «(клянусь) Аллахом!», но не в контексте этого жанра. Предполагаем, что включение возгласа «Аллаху» в начале татарских колыбельных первоначально имело значение призыва его благосклонности к ребенку, настроя на спокойный сон, удачу в плане убаюкивания, засыпания. Выражение просьбы о благословении в начале какого-то дела для его успешного завершения имеет аналогию с широко распространенному произнесению басмалы (аят из первой суры Корана).

В советский период российского государства слова «Аллаху, Аллаху» в татарских колыбельных исполнители (особенно дети) не только перестали воспринимать в этом значении, они вообще утратили для них определенный смысл. Они превратились в междометия, которые выполняют функцию слов-сигналов для стимуляции действий, призывов. По содержанию колыбельные с маркером «Аллаху» отличаются от рассмотренных выше образцов этого жанра. Такая начальная лексема верbalного текста татарских колыбельных в контексте детского фольклора воспринимается как некая рифмовка с последующей далее обрисовкой персонажа фауны, типичного для образного мира колыбельных [8, С. 26].

Аллаху, Аллаху, / Аллаху, Аллаху,
Кәҗәләрне талга ку. / Гони коз в ивы.

Слова «Аллаху, Аллаху» продолжали сохранять ведущую позицию в произведениях этого жанра и в советский период российского государства, вероятно, из-за своего звукового сходства с самым распространенным маркером процесса засыпания: «элли-бэлли» («баюшки-баю»). Особенно заметно их сближение с лексемой «Аллаху, Аллаху» в результате добавления окончания «hy»: «эллиhy- бэллиhy». Отметим, что в татарском фольклоре, в частности, в колыбельных встречается как полная форма имени всевышнего – Аллаху, так и краткая – «hy».

В функции призыва возглас «Аллаху» встречается в других по жанру и характеру песнях иных мусульманских народов. В повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек», основанной на реальных событиях, присутствует эпизод, где упоминается так называемая «смертная» песня кавказских горцев. Эта строгая клятва-призыв, в которой герои Востока обменивались куплетами, начиналась с грозного провозглашения имени Аллаха: «Слава нам, смерть врагу, Алла-га, Алла-гу!!» [2, С. 52]. По мнению исследователей, со временем эта песня претерпела изменения, превратившись в походную песню казаков, при этом сохранив элементы восточной музыкальной традиции. Ее пели преимущественно на Кубани и Тереке.

Отметим, что информанты 1950-х годов рождения, усвоившие колыбельные от своих матерей, сообщили, что те считали образцы с маркером «Аллаху» автономными, даже если их спели на аналогичный напев, использованный в других колыбельных.

Ритмическое оформление вербальных маркеров в татарской колыбельной песне зависит от двух компонентов: лингвистических и музыкальных особенностей. В первом случае решающим фактором является количественный состав слогов в маркерах. В маркерах «элли-бэлли» и «йокла» их два. Слоговой ритм представлен таким образом:

- 1) 1:1:1:1 | 1:1:2;
- 2) 1:1:2:2 | 1:1:4

Ритмическую организацию этих маркеры отличает равномерность – оформление одинаковыми длительностями: восьмыми (чаще всего) или четвертями.

В маркере «Аллаху» слогов три. Его двойной повтор в начале песни образует анапест, что отличается от замина других колыбельных.

- - v| - - v / 3+3 / Аллаһу, Аллаһу.

Слоговой ритм имеет следующий вид: 1:1:2 | 1:1:2

Музыкальная составляющая влияет на ритмический аспект маркеров. Это касается особенно маркера «элли-бэлли». Влияние связано с использованием мелодий других жанров в колыбельной песне в первую очередь книжных напевов. Среди них особое распространение получила мелодия книги «Бәдәвам» (перевод: «Постоянно, прочно»), представляющая собой сборник анонимных четверостиший дидактического характера. В таком случае междометие «элли-бэлли» предстает в таком слоговом ритме: 1:2 | 1:2 | 1:1:2

Расшифровка записей колыбельных подтвердило правило: если в начале песни встречается маркер «Аллаһу, Аллаһу», то в таких случаях рифмовка поэтических строк в куплетах обычно бывает парная (аабб). В тоже время сравнение куплетов колыбельных показало, что в них встречается неодинаковое (неоднородное) слоговое стихосложение по причине использования разных колыбельных маркеров:

- 1) 6+7+7+7 («Аллаһу, Аллаһу»);
- 2) 7+7+8+7 («Элли-бэлли») или 7+7+7+7 («Йокла, йокла»).

В связи с этим они отличаются в начале каждой строки по слоговому ритму.

Обсуждение

В трудах филологов – Н. Исанбета, Р. Ягафарова, – специализировавшихся на детском фольклоре татар, понятие «верbalный маркер» отсутствует. Они отмечали в колыбельных песнях наличие большого количества звукоподражаний («шыбыр-шыбыр», «чү-чү») и междометий, среди которых упоминали и приведенные выше («элли-бэлли», «Аллаһу, Аллаһу»), но не выделяя их из общего ряда. Эти звукоподражания используются в образцах других жанров, иллюстрируя шум дождя, поезда («шыбыр-шыбыр»). Выражение «чү-чү» является не звукоподражанием, а междометием. У него есть определенная функция, которая объединяет песни всех жанров, в том числе и колыбельную. Она заключается в том, что с помощью этого междометия стараются остановить действия адресата, к которому обращаются (плач ребенка в колыбельной, упреки родных в других песнях). В татарских колыбельных песнях эпизодически встречаются и другие междометия. Это: «лүзи» и «лүли». Этимология их неясна. Последнее слово из них фактически не включают в состав традиционных татарских словарей. Предлагаем несколько гипотез о происхождении этого слова в колыбельных татар. Возможно, оно является укороченным вариантом маркера «бәллүләү»-«лүләү»-«лүли». Кроме того, в словарях татарского языка есть такое персидское слово как «лүли», один из переводов которых означает «красивая девушка». А встречается рассматриваемое слово именно в колыбельной, обращенной к дочери. Наконец, не исключается вероятность заимствования этого слова из лексики русского языка. Оно более привычно по сонорике для примеров русского народного творчества. Заметим, что некоторые тексты в татарских колыбельных очень близки по содержанию с русскими.

Упомянутые в этом разделе статьи звукоподражания и междометия (за исключением «элли-бэлли», «Аллаһу, Аллаһу») ни в одном из фольклорных образцов не являются маркером колыбельной песни. Они не воспринимаются как эмблема этого жанра.

Заключение

В результате проведенного анализа поэтического и музыкального текста колыбельных песен татар выявлены три основных типа вербальных маркеров этого жанра. В ходе исследования было сделано несколько выводов:

- 1) маркеры принадлежат разным частям речи;
- 2) маркерами признаны те из них, которые являются эмблемой этого жанра и в других образцах фольклора;
- 3) этимология некоторых из них неясна до сих пор специалистам или утратила свое значение для исполнителей (информантов);
- 4) ритмическое оформление вербальных маркеров зависит от их структуры или влияния музыкальных компонентов.

С каждым из трех маркеров возможно продолжение исследования в специальном, выбранном именно для него ракурсе. Ритмическая структура колыбельных формируется на основе языковых и музыкальных закономерностей, где вербальные маркеры не только несут семантическую и эмоциональную нагрузку, но и определяют ритмоинтонационную организацию мелодии. Анализ их роли позволяет выявить механизмы создания убаюкивающего эффекта, проследить эволюцию традиционных музыкально-поэтических формул. Таким образом, изучение данной темы открывает новые перспективы в области этномузикологии, когнитивного музыказнания и композиторского освоения народного наследия. Важно провести сравнительный анализ с колыбельными других тюркских народов, чтобы выявить универсальные и уникальные особенности вербальных маркеров в рамках общего культурного наследия. Актуальным остается исследование вербальных маркеров в современных адаптациях колыбельных, особенно в условиях городской культуры и медицинского влияния. Наконец, использование цифровых технологий и лингвистического анализа позволит более точно классифицировать и систематизировать ритмические и семантические особенности татарских колыбельных песен.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Эмирхан Ф. Тигезсезләр / Ф. Эмирхан. — Татарстан китап нәшрияты, 1984. — Т. 2. — 488 б.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: Аммалат-бек : в 2 т / А.А. Бестужев-Марлинский. — Москва: Художественная литература, 1981. — Т. 2. — 593 с.
3. Древнетюркский словарь. — Ленинград: Наука, 1969. — 677 с.
4. Исхакый Г. Мөгалимсез мандолинада уйнау: Нота дәфтәре (Цифр һәм нота системада): в 2 т / Г. Исхакый, В. Солтанов. — Казан: Бр. Каримовы, 1917. — 28 б.
5. Капица Ф.С. Русский детский фольклор / Ф.С. Капица, Т.М. Колядич. — Москва: Наука, 2002. — 320 с.
6. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. III. Мелодии астраханских и оренбургских ногайцев и киргиз / В.А. Мошков // Известия Общества археологии, истории и этнографии. — 1901. — Т. XVII. — Вып. 1. — С. 1–41.
7. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. — Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977. — Т. 1. — 476 б.
8. Татар халық іжаты: Балалар фольклоры / Төз. Р.Ф. Ягъфаров. — Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1993. — 336 б.
9. Тукай Г. Милли мөңnar / Г. Тукай // Тукай Г. Әсәrlәr. 6 томда. — Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2011. — Т. 2.
10. Шигъри әсәrlәr (1909-1913). — 384 б.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Әмирхан F. Tigezsezlər [Works] / F. Әмирхан [Works]. — Tatar Book Publishing House, 1984. — Vol. 2. — 488 p. [in Tatar]
2. Bestuzhev-Marlinskii A.A. Sochineniya [Works]: Ammalat-bek : in 2 vol / A.A. Bestuzhev-Marlinskii. — Moscow: Artistic literature, 1981. — Vol. 2. — 593 p. [in Russian]
3. Drevnetyurkskii slovar [Ancient Turkic Dictionary]. — Leningrad: Nauka, 1969. — 677 p. [in Russian]
4. Iskhakyj G. Mөgallimsez mandolinada ujnau: Nota dәftәre (Cifr һәm nota sistemada) [Playing the mandolin without a teacher: Music notebook (in the digital and musical notation system)]: in 2 vols / G. Iskhakyj, V. Soltanov. — Kazan: Br. Karimovy, 1917. — 28 p. [in Tatar]
5. Kapicza F.S. Russkij detskij fol'klor [Russian children's folklore] / F.S. Kapicza, T.M. Kolyadich. — Moscow: Nauka, 2002. — 320 p. [in Russian]
6. Moshkov V.A. Materiali dlya kharakteristiki muzikalnogo tvorchestva inorodtsev Volzhsko-Kamskogo kraja. III. Melodii astrakhanskikh i orenburgskikh nogaitsev i kirgiz [Materials for characterising the musical creativity of the Volga-Kama aliens. III. Melodies of the Astrakhan and Orenburg Nogai and Kyrgyz] / V.A. Moshkov // Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography]. — 1901. — Vol. XVII. — Iss. 1. — P. 1–41. [in Russian]
7. Tatar teleneң aңlatmaly syzlege. Өch tomda [Explanatory dictionary of the Tatar language. In three volumes]. — Kazan: Tatar Book Publishing House, 1977. — Vol. 1. — 476 p. [in Tatar]
8. Tatar halyk iжаты: Balalar fol'klory [Tatar folk art: Children's folklore] / Ed. by R.F. YAg"fərov. — Kazan: Tatar Book Publishing House, 1993. — 336 p. [in Tatar]
9. Tukaj G. Milli moңnar [National songs] / G.Tukaj // Tukaj G. Әsәrlәr. 6 tomda. 2 t.: shig"ri әsәrlәr (1909-1913) [Works of Tukai G. In 6 volumes]. — Kazan: Tatar book publishing house, 2011. — Vol. 2. Poetic works (1909-1913) — 384 p. [in Tatar]
10. Yunusova G.F. Etnofor i yego repertuar (o tatarskikh kolibelnikh pesnyakh iz fonda Akademii nauk Respublik Tatarstan) [Ethnofor and its repertoire (on Tatar lullaby songs from the collection of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)] / G.F. Yunusova // Musical heritage in modern society. Materials of the Scientific and Practical Conference. — Moscow: Podolsk offset printing factory, 2014. — P. 327–333. [in Russian]